

87. Кавказские мотивы в творчестве А. Бестужева-Марлинского (“Аммалат-бек”)

Sevinç KARAYEL¹

Ali AKYAR²

APA: Karayel, S. & Akyar, A. (2023). Кавказские мотивы в творчестве А. Бестужева-Марлинского (“Аммалат-бек”). *RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi*, (35), 1416-1422. DOI: 10.29000/rumelide.1342244.

Аннотация

После завоевания Крыма и Черноморского побережья Россия начинает экспансию на Кавказ. Покорение кавказских народов было доверено генералу А. Ермолову, жестокому, деспотичному, часто сравниваемому с Кромвелем. С 1830 по 1859 гг. местные народы оказывали стойкое сопротивление царской армии, однако в конце концов Шейх Шамиль сложил оружие. Наступил один из самых мрачных периодов российского империализма, многие оказались в изгнании и эмиграции в Турции. Цель нашего исследования заключается в изучении поливариантности кавказского текста русской литературы на примере рассказа А. Бестужева-Марлинского “Аммалат-бек”. Задачи статьи предполагают раскрытие мотивной структуры произведения, демонстрацию его антиколониальной направленности. В статье рассмотрен чрезвычайно знаковый рассказ А. Бестужева-Марлинского “Аммалат-бек” с точки зрения национальных стереотипов, имагологии, образов колонизации на Кавказе, местной экзотики и колорита. Анализ этнических стереотипов и имиджей способствует более глубокому пониманию сюжета, композиционной структуры повествования, символического пласта текста. Немаловажное значение принадлежит батальным сценам, их роли в формировании традиции дальнейшей русской литературы. Жанровая специфика произведения также проливает свет на особенности художественного синтеза в рассказе Бестужева-Марлинского. Романтизация повествования свидетельствует о том повышенном авторском внимании, которое автор придавал изображению азиатских народов. Подчеркнута связь кавказских мотивов в данном рассказе с историческим процессом, личной судьбой, биографическими перипетиями самого писателя. Интерпретация учитывает теоретические достижения постколониальной критики, возможность амбивалентной оценки географических и ментальных границ, стереотипов, образов и концептов национальной картины мира. Особое внимание уделено этническим стереотипам, антропологическим кодам, национальной специфике предмета отображения. Выявлены различия между западным и восточным мировосприятием, имперским и колониальным, историей государства и локальной историей. Акцентируются индивидуальные особенности психологии героя, его поведения, связи с этническим коллективом, нацией. Прослежена художественная динамика характера, трансформация его внутреннего мира, диалектика связей с другими персонажами.

Ключевые слова: Восток, Запад, Кавказ, империя, мотивная структура

¹ Dr., (Erzurum, Türkiye), seva.75@list.ru, ORCID ID: 0000-0003-4542-5806 [Araştırma makalesi, Makale kayıt tarihi: 02.06.2023-kabul tarihi: 20.08.2023; DOI: 10.29000/rumelide.1342244]

² Dr. Arş. Gör., Ardahan Üniversitesi, İnsani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü (Ardahan, Türkiye), aliakyar@ardahan.edu.tr, ORCID ID: 0000-0002-1134-4285

A. Bestujev-Marlinski'nin ("Ammalat-bek") eserinde Kafkas motifleri

Öz

Rusya, Kırım'ı ve Karadeniz kıyılarını ele geçirdikten sonra Kafkasya'ya doğru yayılmaya başlar. Kafkas halklarının boyunduruk altına alınması, genellikle İngiliz Oliver Cromwell ile karşılaştırılan acımasız, despot bir adam olan General A. Yermolov'a emanet edilir. Yerel halk 1830'dan 1859 yılına kadar Çarlık ordusuna karşı inatçı bir direniş sürdürmüş, nihayetinde Şeyh Şamil'in silah bırakmasıyla son bulmuştur. Rus emperyalizminin en karanlık dönemlerinden biri başlamış ve pek çok kişi kendini sürgünde bulmuş ya da Türkiye'ye göç ettirilmiştir. Çalışmamızın amacı, A. Bestujev-Marlinski'nin "Ammalat-Bek" öyküsünü örnek alarak Rus edebiyatındaki Kafkas metninin çok değişkenli doğasını arařtırmaktır. Makalenin hedefleri, eserin motif yapısını ortaya çıkarmak ve sömürgecilik karşıtı yönelimini sergilemektir. Makalede A. Bestujev-Marlinski'nin son derece ikonik öyküsü "Ammalat-Bek" ulusal stereotipler, imge bilimi, Kafkasya'daki sömürgeleştirme imgeleri, yerel egzotizm ve renk açısından ele alınmaktadır. Etnik stereotiplerin ve imgelerin analizi, olay örgüsünün, anlatının kompozisyonel yapısının ve metindeki sembolik tabakanın daha derin bir şekilde anlaşılmasına katkıda bulunacağını düşünüyoruz. Savaş sahneleri ve bunların daha sonraki Rus edebiyatı geleneğinin şekillenmesindeki rolü azımsanacak türden olmadığını vurgulamak gerekir. Eserin tür özgüllüğü, Bestujev-Marlinski'nin öyküsündeki sanatsal sentezin özelliklerine de ışık tutmaktadır. Anlatının romantikleştirilmesi, yazarın Asya halklarının tasvirine gösterdiği olağanüstü ilginin bir kanıtıdır. Öyküdeki Kafkas motifleri tarihsel süreçle, kişisel kaderle ve yazarın kendi biyografik dönemeçleriyle ilişkilendirilmiştir. Tefsir, sömürgecilik sonrası eleştirinin teorik kazanımlarını, coğrafi ve zihinsel sınırların, kalıplaşmış yargıların, imgelerin ve dünyanın ulusal resmine dair kavramların muğlak değerlendirilme olasılığını dikkate almaktadır. Etnik kalıplaşmış yargılara, antropolojik koşullara ve konunun ulusal özgüllüğüne özellikle dikkat edilmektedir. Batı ve Doğu dünya görüşlerindeki, imparatorluklar ile sömürgeler, devlet tarihi ile yerel tarih arasındaki farklılıklar tespit edilmektedir. Kahramanın psikolojisinin bireysel özellikleri, davranışları ve etnik topluluk ile ulusla olan bağlantısı vurgulanmaktadır. Karakterin sanatsal dinamikleri, iç dünyasının dönüşümü ve diğer karakterlerle olan bağlantılarının diyalektik özellikleri tarafımızca gözlemlenmiştir.

Anahtar kelimeler: Doğu, Batı, Kafkasya, imparatorluk, motif yapısı

Caucasian motifs in the work of A. Bestuzhev-Marlinsky ("Ammalat-Bek")

Annotation

After Russia conquered the Crimea and the Black Sea coast, it began to spread towards the Caucasus. The subjugation of the Caucasian peoples is entrusted to General A. Yermolov, a brutal, despotic man who is often compared to the Englishman Oliver Cromwell. Although the local people resisted the tsar's army from 1830 to 1859, Sheikh Shamil finally had to surrender. This war is one of the darkest periods of Russian imperialism and many people were exiled or forced to migrate to Turkey. The aim of our research is to examine the variability of the Caucasian text of Russian literature, which has more than one variation, in the example of A. Bestuzhev-Marlinsky's story "Ammalat-bek". In this article, it is aimed to explain the motif structure of the mentioned work and to present its anti-colonialism orientation. In the article, the highly iconic story of A. Bestuzhev-Marlinsky "Ammalat-Bek" is discussed in terms of national stereotypes, imagery, images of colonization in the Caucasus,

local exoticism and color. It should be stressed that the battle scenes and their role in shaping the later tradition of Russian literature are not to be underestimated. The genre specificity of the work also sheds light on the features of artistic synthesis in Bestuzhev-Marlinsky's story. The romanticization of the narrative is a testament to the author's extraordinary interest in portraying the peoples of Asia. The Caucasian motifs in the story are associated with the historical process, personal destiny and the author's own biographical turning point. The interpretation takes into account the theoretical achievements of postcolonial criticism, the possibility of vague evaluation of geographical and mental boundaries, stereotypes, images, and concepts of the national picture of the world. Particular attention is paid to ethnic stereotypes, anthropological conditions and the national specificity of the subject. Differences between Western and Eastern worldviews, imperials and colonials, state history and local history are identified. The individual characteristics of the hero's psychology, his behavior and his connection with the ethnic community and the nation are emphasized. The artistic dynamics of the character, the transformation of his inner world and the dialectical features of his connections with other characters have been observed by us.

Keywords: East, West, Caucasus, empire, motive structure

Введение

Изучение кавказского текста русской литературы в современном литературоведении – одно из наиболее перспективных направлений в контексте процессов глобализации, межнациональных конфликтов и попыток межкультурного диалога. Оно становится частью истории литературы определенной эпохи, а также демонстрирует возможности компаративистского анализа. Ведь присутствие инонационального текста в любой литературе способствует сравнениям, сопоставлениям, различным междисциплинарным экскурсам. Кроме того, продуктивным оказывается культурологический метод, позволяющий проиллюстрировать многогранность, разноаспектность того или иного художественного явления. Его исследование на уровне сопоставления национальных образов мира, культурных концептов, сюжетных мотивов, писательских приемов и традиций ведет к целостному пониманию литературного процесса, его динамики в аспекте становления и дальнейшего функционирования кавказского текста, его вариантов, типов и подтипов, авторских версий. Перспективным в этом отношении представляется концепция В. Топорова, предложившего рассматривать текст в пространственном аспекте. Это позволит говорить об определенной типологии и классификации подобных текстов. «Частотность лексики «локального» описания, довольно жесткий отбор «ключевых» слов, высокая предсказуемость появления в определенных местах текста и их повышенная «сигнальность», а нередко и «идеологичность», способствующая возрастанию клишированности, – все это приводит к тому, что в ряде случаев элементы этого словаря приобретают статус классификаторов в соответствующих описаниях» (1995: 271).

Кавказская война значительно повлияла на научное развитие национальной психологии, этнографии, политики. Многие представители русской литературы освещали тему кавказской экспансии в разных аспектах, некоторые произведения стали хрестоматийно известными, как например, «Кавказский пленник» А. Пушкина и «Хаджи Мурат» Л. Толстого. Хотя официально жестокости войны отрицались, прогрессивно мыслящие люди, в том числе декабристы, придерживались иного мнения. Они относились к завоеванию азиатских территорий с точки зрения просвещенного колониализма, целесообразности осуществляемой на Кавказе миссии, распространения христианства, культуры, образования. Это отразилось в политике, языковом

сознании, идеологии, культуре. III. Рамазанова пишет: «Русское языковое сознание периода 1860—1810 гг. доминирование Османской империи на территории, где проживают православные воспринимает как 'иго Турции': христианские народы, находящиеся под игом Турции» (2011: 63). Именно поэтому завоевательные войны России воспринимались как миссия. При этом они осуждали применение насилия, отстаивали гуманизм, видя все-таки в завоеванных землях часть своей родины. Таким образом, отношение к экспансии было двойственным, с одной стороны, действия империи были неприемлемы, а с другой, оценивались лояльно, одобрительно. Так же двойственно изображались горские народы, будучи одновременно и верными служителями империи, и борцами за свою свободу. Целесообразность экспансии с имперской точки зрения отстаивает А. Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум»: «Что делать с таковым народом? Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия» (1975: 353).

А. Бестужев-Марлинский был автором, который внимательно следил за этими событиями и отображал в своих произведениях. Писатель считал, что кавказцы были бы чудесным народом, если бы избавились от «чумы, холеры и магометанства». А. Бестужев-Марлинский был декабристом, которому ориентальные мотивы импонировали. Прожив несколько лет в изгнании за участие в декабристском восстании, писатель добровольно уехал на Кавказ, на военную службу. Рассказы «Аммалат-бек» (1832), «Мулла-нур» (1836), «Письма из Дагестана» (1831), этнографические очерки Азербайджана (1834-1836) воссоздают впечатления автора, дух, этническую психологию кавказских народов. Писатель изучил их язык и практически сразу стал своим в сообществе чужих, среди местного населения. Это обусловило этнографический колорит, экзотику его сюжетов.

Рассказ «Аммалат-бек» – наиболее известный среди текстов этого автора. Сюжет воссоздает судьбу мусульманского вождя, попавшего в плен и вскоре помилованным генералом Ермоловым. Герой произведения заводит дружбу с русским офицером Верховским, который берется за его перевоспитание, прежде всего путем просвещения, чтения. Однако внутри азиатской среды зреет протест, местные вынуждают героя бороться с колонизаторами. А. Т. Малиновский пишет: «Дело не только в царской политике и взгляде со стороны, откровенно презрительном отношении к этнически ассимилированным территориям, но и в добровольном наложении имперского ярма, и, как следствие, продуцирование половинчатой гибридной идентичности» (2021: 662). Вследствие этого повествование обретает остросюжетный характер, Аммалат убивает Верховского и начинает борьбу с русскими. Элементом готической стилистики, литературы об ужасном является эпизод, когда герой откапывает могилу Верховского и отсекает ему голову. Следует отметить, что герой разрывается между двумя цивилизациями, культурными парадигмами, западной и восточной.

В данном произведении европейский культурный мир воплощен в России, азиатский, восточный сегмент представлен Кавказом. Вокруг этих пространственных локусов и развивается конфликт произведения. Именно такая антитеза, дихотомия позволяет увидеть в рассказе идеологию империализма, определенные интенции, свидетельствующие о культурной и цивилизационной экспансии на чужие территории. Вследствие этого Азия изображается тенденциозно, субъективно, с имперской позиции. Это прежде всего варварский край с процветающей

работоторговлей, политической деспотией, архаическими средневековыми отношениями между людьми. Ключевыми для понимания коллизии являются слова Ермолова: «...европейца можно убедить, усознать, тронуть кротостью, привязать прощением, закабалить благодеяниями; но все это для азиатца несомненный знак слабости, и с ними я, прямо из человеколюбия, бываю жесток неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены» (Бестужев-Марлинский, 1981: 14).

В своем дневнике герой фиксирует все наблюдения над жизнью азиатских народов, сравнивает их с русскими и приходит к выводу о неких преимуществах последних. В герое воплощены стереотипы ориентализма, он сравнивается с соколом, ему присуща неуравновешенность, коварство, восточный темперамент. Повествователь дает ему следующую характеристику: «...восанные с материнным молоком и с воздухом родины. Варварский деспотизм Персии, столь долго владевшей Азербиджаном, воспитал в кавказских татарах самые низкие страсти, ввел в честь самые презрительные происки» (Бестужев-Марлинский 1981: 67). Часто встречающееся слово “азиат” свидетельствует о стереотипном восприятии экзотических нравов, отсталости, восточной созерцательности, инерции. Именно это дает право на завоевание, экспансию, установление своей власти. Вместе с тем всяческим образом автор намекает на глубоко отличные от русских национальные черты туземцев, делающие процесс их завоевания, подчинения чрезвычайно длительным. В этом отношении Верховский выражает типично имперскую точку зрения, преклоняется перед гением Петра Великого, избравшего для России европейский путь развития и вырвавшего ее из плена восточного варварства и деспотизма. Здесь можно провести параллели с «Путешествием в Арзрум» А. Пушкина, о котором М. Гринлиф пишет: «Пытаясь бежать от России и современности, он обнаружил невозможность обращения в другую культуру, в чужую землю, иной образ мысли: любая преодоленная граница исчезает, уже не является таковой, тогда как постоянно открывающиеся новые просторы не оказывают сопротивления, что порождает своеобразную клаустрофобию» (1999: 291).

Немаловажное значение принадлежит в тексте интерпретации географических границ, которые предстают двойственными, амбивалентными. Это границы между Европой и Востоком, которые оказываются разделены Кавказом. В тексте видим символическую деталь, когда стена Александра Великого внезапно обрывается. Это говорит о том, что строитель стены как будто не был уверен, как ее дальше строить. Таким образом, перед нами важная историософская проблема, где в самом деле начинается Восток и раскрывает неуверенность империалистов в пограничной сущности России, которая якобы распростерлась на двух континентах. Важно помнить, что Бестужев-Марлинский пишет о миссии просвещенного колониализма на Кавказе, но Европу и Восток оценивает неоднозначно, с разных сторон. В связи с этим само понятие экспансии, войны трактуется неоднозначно. Это можно проиллюстрировать на примере представлений о Крымской войне. «Макрокомпонентная структура концепта «Крымская война» представляет единство образного, информативно-понятийного компонентов и интерпретационного поля» (Рамазанова, 2015: 178). Налицо чрезвычайно продуктивная текстовая стратегия, заключающаяся в иронии. Александр Македонский воздвигал оборонительную стену от северных соседей и защищал при этом южные рубежи цивилизации, в частности, греческую империю. В рассказе Марлинского Запад вступил в конфронтацию с Востоком. Можно сказать, что граница в тексте является зоной сближения, притягивания и отталкивания, симбиоза, в котором коренные народы испытывали влияние цивилизации, а русские, наоборот, перенимали черты местных. Даже сам шовинист и империалист Ермолов был женат на троих мусульманках. К. Норимацу пишет: «Сюжет «Аммалат-бека» иллюстрирует

суть русского ориентализма. Хотя неопределенная европейско-азиатская идентичность была общей чертой русской интеллигенции, в повести тщательно описывается механизм возникновения подобной неопределенности в колониальном контексте» (2012: 269).

Некоторые персонажи в тексте оказывают внутреннее сопротивление имперской ассимиляции. Против унижений выступает Ахмет-хан, более того, он призывает к более активным действиям в отношении завоевателей. Главный герой показан в динамике, эволюции, которая прослеживается в атмосфере подчинения, унижений перед представителями империи. Постепенно он приходит к пониманию несправедливости имперской политики, что в еще большей степени увеличивает бездну между западным и восточным менталитетом, культурами, нравами, идеологией. Конфликт между ними демонстрирует фатальную невозможность, разрыв и возвращение представителей восточных народов к своему первоначальному, полуварварскому мировоззрению. Особенно примечателен эпизод, когда Аммалат присоединяется к джихаду, что является формой протеста, выражения оппозиционной настроенности.

Трагедия Аммалат-бека заключается в том, что он уверовал в цивилизационное преимущество завоевателей, оказавшись в конце концов духовно надломленной жертвой. Причем трагедийность образа имеет двойное измерение: европейскость лишила его корней, идентичности, глубинных связей с местными и вместе с тем военные действия опустошили, разрушили милую сердцу родину. Таким образом, герой оказывается в одиночестве и среди русских, и среди соотечественников. Параллели прослеживаются с аналогичными тенденциями в Турции. *«Стремление к европеизации Турции после распада Османской империи привело к тому, что в Стамбуле, «застывшем между традиционной и западной культурами, чье население состоит из ничтожного сверхбогатого меньшинства и миллионов, живущих в бедных окраинных районах, в городе, постоянно открытом для переселенцев и разделенном на общины и землячества, за последние сто пятьдесят лет никто не чувствовал себя вполне дома» (Рамазанова, 2022: 51).*

Заклучение

Таким образом, Бестужев-Марлинский создает свой вариант кавказского текста русской литературы, трактуя взаимоотношения между западной и восточной культурными парадигмами, этническими элементами неоднозначно, амбивалентно. Сюжетообразующее пересечение ментальных и географических границ способствует наглядному пониманию поведения героя в определенных культурно-исторических условиях. При этом ментальное, антропологическое, национально-этническое образуют целостное единство, которое способствует более глубокому пониманию специфики бестужевского текста, выделению в нем архетипических слоев, мифологем, экзистенциальных мотивов. Авторские наблюдения над этническим поведением кавказцев, местными экзотическими нравами и обычаями способствуют более объемному представлению о национальной картине мира. Выведенные в тексте стереотипы свидетельствуют об актуальности исследования кавказского текста русской литературы в широком контексте истории, идеологии, национальной идеи. Сочетание авантюрно-приключенческой и назидательной составляющей свидетельствует о назревающем художественном синтезе, особой гармонии и сопряжении различных сюжетно-композиционных элементов в едином повествовательном целом. Безусловно, все эти особенности сказываются непосредственно и на жанровой специфике произведения, прочитываемого в зеркале сложившихся традиций и литературных канонов. Сама природа художественности кардинальным образом меняется, в

произведении творчески эксплуатируются локальные тексты, местная экзотика, интертекстуальные вкрапления. Восточная повесть А. Бестужева-Марлинского демонстрирует единство, монолитность и типологические сходства в процессе функционирования кавказского текста русской литературы классического периода. Перспективы дальнейшего исследования этой проблемы позволят вписать творчество Бестужева в широкий контекст литературы первой половины XIX столетия, соотнести его тексты с произведениями А. Пушкина, М. Лермонтова, раннего Л. Толстого и др.

Литература

- Malynovskij A. (2021) Bilingualism and the Figures of Postcolonial Speech. Cultural Transfers of Modern Ukrainian Prose. *Forum for World Literature Studies*. Vol. 13. № 4, p 660–676.
- Бестужев-Марлинский А. (1981). Сочинения в 2х томах. Т. 2. Москва: Художественная литература, 591 с.
- Гринлиф М. (1999). «Путешествие в Арзрум»: Поэт у границы. Современное американское пушкиноведение. Санкт-Петербург: Академический проект, с 275–297.
- Норимацу К. (2012). Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма. *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей.* под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. Москва: Новое литературное обозрение, с 284–308.
- Пушкин А. С. (1975). Собрание сочин. в 10 томах. Т. 5. Москва: Художественная литература, с. 346–391.
- Рамазанова, Ш. (2011). Лингвокультурема «вера» как компонент лингвокультурологического поля «Крымская война» в русском языковом сознании периода 1860-1910 гг. *Русистика*, (4), 60-65.
- Рамазанова, Ш. (2015). Концепт " война" в лингвистических исследованиях. *Актуальные проблемы науки, образования и социальной работы*, pp. 176–180.
- Рамазанова, Ш. (2022). Сравнительный анализ образа дома в городских текстах Иосифа Бродского и Орхана Памука. *Мова*. № 37. С. 46–52.
- Топоров, В. (1995). Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического.: Избранное. Москва: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.